

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 7
volume 7**

Центр
«Петербургское Востоковедение»

Санкт-Петербург
1995

«Великое государство Белого и Высокого» — официальное название тангутского государства

К. Б. Кепинг

(Институт востоковедения РАН, Санкт-Петербург)

Памяти выдающегося русского востоковеда
Н. А. Невского (1893—1937)¹

Еще в начале 60-х гг. тангутские штудии рассматривались как «тихая заводь востоковедения», а государство тангутов определялось как Империя в кавычках, не играющая значительной роли в истории [Клосон 1964: 54—55]. Однако за три десятилетия ситуация изменилась, и к 90-м гг. разрозненные исследования оформились в отдельную отрасль востоковедения. Этому способствовала прежде всего систематическая работа русских, японских и китайских ученых, проводившаяся уже с конца 20-х гг. в основном над материалами коллекции П. К. Козлова. Особенно следует отметить вклад выдающегося русского ученого Н. А. Невского, сумевшего охватить весь комплекс работ по дешифровке мертвого языка и заложившего основы современного тангутоведения. После окончания культурной революции китайские ученые возобновили тангутские исследования; в частности, в 70-е гг. были начаты археологические раскопки на территории бывшего тангутского государства. Интереснейшие находки этих раскопок вызвали новую волну интереса к этой области знаний [Гронвальд и др. 1991]. И, наконец, огромную роль в привлечении внимания к тангутской истории,

¹ Предложенная в статье трактовка названия тангутского государства содержалась в моем докладе, посвященном памяти Н. А. Невского и сделанном в год столетия со дня его рождения на ученом совете Института востоковедения РАН в Санкт-Петербурге (апрель 1992 г.). Впервые такая трактовка названия тангутского государства была представлена на XXIV Международной конференции по сино-тибетским языкам и лингвистике в Тайланде (сентябрь 1991 г.) Данная статья представляет собой расширенный и дополненный вариант работы, сданной в журнал «Тоунг Вао». Я признательна С. Е. Яхонтову (Санкт-Петербургский государственный университет) за внимательное прочтение статьи и ценные замечания.

культуре и искусству сыграли выставки предметов тангутского искусства и материальной культуры, проходившие в последнее десятилетие в Японии, США, странах Европы и т. д. (см., например, [Пиотровский ред. 1993]). Выставки продемонстрировали уникальность и удивительно высокий уровень тангутского искусства, многие произведения которого представляют собой шедевры.

Качественный скачок, происшедший в последние годы в тангутских исследованиях, явился стимулом к переосмыслению роли тангутского государства в истории Центральной Азии [Даннел 1994].

В этой связи совершенно очевидно, что прогресс в изучении истории тангутского государства, а также правильное прочтение тангутских оригинальных (не переводных) произведений, равно как и осмысление произведений тангутского искусства, невозможно без адекватного понимания смысла, вложенного тангутами в официальное название своего государства (1)² — *пхон мбиын лхиэ тха*, перевод по иероглифам 'белый', 'высокий', 'государство', 'великий'. Перевод и толкование этого названия уже более полувека занимают умы тангутоведов. За эти годы появилось несколько различных теорий, пытающихся истолковать его. Однако, поскольку до сих пор нет стандартного перевода этого названия и исследователи так и не пришли к единому мнению о его смысле, по-видимому, задача так и не решена. В данном исследовании я предложу собственное решение этой проблемы.

Тангутское государство (982—1227) известно в научной литературе под своим китайским названием, употребляемым в китайских династийных историях, это — 夏國 *Ся го* 'государство Ся' (宋史 «Сун ши») или 西夏 *Си Ся* 'Западное Ся' (遼史 «Ляо ши» и 金史 «Цзинь ши»). Иероглиф *ся* в названии тангутского государства восходит к древней китайской династии Да Ся (III—II тысячелетие до н. э.), первым императором которой был Великий Юй. На территории Да Ся позднее (IV—V вв.) находилось государство гуннского Хэлянь Бо-бо, также называвшееся Ся. Поскольку тангутское государство занимало ту территорию, на которой когда-то находилось государство Да Ся, то это название использовалось китайцами для обозначения тангутского государства.

Однако тангуты имели и собственное название для своего государства — (1) *пхон мбиын лхиэ тха*, которое я предлагаю переводить как «Великое государство Белого и Высокого». Имен-

² Цифра в скобках указывает порядковый номер в Иероглифическом указателе.

но это название указано на каменных стелах, установленных рядом с могилами тангутских императоров у подножия Хэланьшань, этим названием начинается предисловие к Трипитаке на тангутском языке, оно же употреблено в тексте знаменитой Лянчжоуской стелы, в оригинальных предисловиях и послесловиях к буддийским сочинениям на тангутском языке и т. п. По-видимому, это название представляет собой официальное название тангутского государства в отличие от неофициального — (2) *ми лхиэ* 'государство тангутов', употребляемого, например, в тексте тангутского свода законов [Кычанов 1987б: 650, 7-я строка справа] (ср. СССР — советское государство). Весьма показательным было бы название государства в заглавии тангутского свода законов, однако, к сожалению, титульный лист свода законов утрачен [Кычанов 1987б: 645].

В тангутских письменных памятниках, кроме уже упомянувшегося названия (1) *пхон мбиын лхиэ тха* 'Великое государство Белого и Высокого' (далее название I), употребляется еще одно — (3) *пхон мбиын тха нджюе лхиэ* 'Государство Великое Ся Белого и Высокого' (далее название II).

Современные китайские исследователи переводят название I на китайский язык как 大白高國 *Да бай гао го* [Ши 1988: 310] и 大白上國 *Да бай шан го* [Ли 1983: 149] и название II — 白高大夏國 *Бай гао да ся го* [Ши 1988: 310] и 白上大夏國 *Бай шан да ся го* [Ли 1983: 73]. Толкование (4) *пхон мбиын лхиэ* как 白上國 *бай шан го* настолько распространено в Китае, что оно даже вошло в справочники [Большой словарь по истории Китая 1986: 121].

Как известно [Меньшиков 1984], тангутское государство осуществляло издания буддийских сутр не только на тангутском языке, но также и на других языках, в частности, на китайском. И в одной из сутр, изданных тангутами на китайском языке, точнее, в послесловии к сутре, датированном 1184 г., Е. И. Кычанов обнаружил оригинальное название тангутского государства на китайском языке — *Бай гао да ся го*. Таким образом, уже с 60-х гг. мы располагаем подлинным, т. е. не реконструированным позднее, названием тангутского государства на китайском языке. Как видим, это название соответствует названию II. После этой находки Е. И. Кычанова стало очевидно, что слово (5) *мбиын* в составе названия тангутского государства в годы существования государства передавалось на китайский язык прилагательным *гао* 'высокий', но не словом *шан*.

Следовательно, можно считать доказанным, что современные китайские переводы названия государства как 大白上國 *Да*

бай шан го, 白上大夏國 *Бай шан да Ся го* и 白上國 *Бай шан го* неверны. Следует сразу же отметить, что из двух названий тангутского государства официальным является только название I — (1) *пхон мбиын лхиэ тха* 'Великое государство Белого и Высокого', а название II представляет собой «тангутско-китайский гибрид». Такой вывод я делаю на основании следующего. Китайский ученый Ши Цзинь-бо [1983: 231—330] приводит подборку опубликованных в тангутском государстве текстов на тангутском и китайском языках, представляющих собой надписи на стелах, предисловия и послесловия к буддийским сочинениям и т. п. Тексты (тангутские и китайские) можно разделить на те, которые датируются до 1227 г., т. е. до гибели государства, и те, которые датируются после 1227 г., т. е. после гибели государства. Название I употребляется только в текстах на тангутском языке, написанных до 1227 г., позднее это название как будто больше не встречается. Название II встречается до 1227 г. только в текстах на китайском языке, а после 1227 г. оно употребляется как в тангутских, так и в китайских текстах, по-видимому, полностью вытеснив название I из тангутских текстов. Сочетание (6) *тха нджюе* 'Великое Ся' (= 'Великое Лето'), входящее в название II, по-видимому, ничего не говорило тангутам. Так, в составе тангутских ритуальных песен слово (7) *нджюе* употребляется только в значении 'лето' (время года), однако в них постоянно встречается (4) *пхон мбиын лхиэ* 'Государство Белого и Высокого'. Показателен также и явно «китайский» порядок слов в сочетании (6) *тха нджюе* 'Великое Ся', где определение (прилагательное) предшествует определяемому³.

Кроме того, в пользу того, что только название I является оригинальным тангутским названием государства, говорит тот факт, что это название по форме красиво и «сбалансировано» — «Великое государство Белого и Высокого», тогда как название II не обладает, на мой взгляд, такими качествами: оно громоздко и соединяет в себе два разных представления (тангутское и китайское) о государстве — «Государство Великое Ся Белого и Высокого».

Оба названия почти совпадают: в состав каждого из них входят по три одинаковых прилагательных и существительное «государство». Диагностическим признаком класса прилагательных

³ Есть пример употребления сочетания (50) *нджюе лхиэ* «государство Ся», но он датируется 1312 г., т. е. почти через сто лет после падения тангутского государства [Ши 1988: 317].

В тангутском языке является их позиция по отношению к определяемому существительному: прилагательное как правило стоит после определяемого существительного; поскольку в других текстах слова «белый», «высокий», «великий» в функции определения стоят после определяемого-существительного, то, по определению, они являются прилагательными. Разница между названиями заключается, во-первых, в наличии в названии II «лишнего» иероглифа — это (7) *нджюе ся* (= 'лето'), который отсутствует в названии I, и, во-вторых, в позиции прилагательного (8) *тха* 'великий' — в названии I прилагательное 'великий' стоит непосредственно после существительного 'государство', тогда как в названии II оно стоит перед этим существительным, однако не непосредственно перед ним, а отделяется от него «лишним» иероглифом (7) *нджюе Ся*.

Таким образом, в названиях тангутского государства можно выделить общую часть — стоящее на первом месте в обоих названиях сочетание (9) *пхон мбиын* 'белый, высокий' и часть, не совпадающую в обоих названиях: для названия I это (10) *лхиэ тха* 'великое государство' и для названия II — это (11) *тха нджюе лхиэ* 'государство Великое Ся'.

Несовпадающая часть не вызывает у исследователей разногласий, и все сходятся на том, что слово (7) *нджюе* 'ся' указывает на легендарную династию Ся [Ван 1932: 77; Невский 1960 I: 33; Кычанов 1968: 52].

Что же касается общей части в названиях тангутского государства — сочетания (9) *пхон мбиын* 'белый, высокий', то именно она не получила однозначного толкования, вызвав полемику среди специалистов.

Дискуссия по поводу значения сочетания (9) *пхон мбиын* 'белый, высокий' в названии тангутского государства была открыта статьей Ван Цзин-жу [1932: 77—88], в которой он утверждал, что иероглиф (5) *мбиын* 'высокий' употреблен в названии государства фонетически — *ми*, а «ми» по-тангутски значит 'человек' (по аналогии с тибетским словом *ми* «человек»). Рассматриваемое сочетание значит 'белые *ми*' — 'белые люди', и, таким образом, название I следует переводить как 'Великое государство белых ми', а название II — 'Государство Великое Ся белых ми' (подробный разбор статьи Ван Цзин-жу см. [Невский 1960, I: 33—34]).

На статью Ван Цзин-жу, увидевшую свет в 1932 г., последовала немедленная реакция Н. А. Невского, не согласившегося с ним, — уже в 1933 г. Н. А. Невский [1960, I: 33—51] публикует свое знаменитое исследование «О наименовании тангутского го-

сударства», в котором, подробно рассмотрев теорию Ван Цзинжу, приводит ряд аргументированных доводов, опровергающих ее. В частности, он совершенно справедливо указывает, что если бы сочетание (9) *пхон мбиын* 'белый, высокий' означало 'белые люди', то прилагательное (12) *пхон* 'белый' должно было стоять в постпозиции к слову (5) *мбиын*.

Н. А. Невским были использованы новые тангутские тексты — ода «Гимн священным предкам тангутов», которая была позднее опубликована Е. И. Кычановым [1970: 217—231], и энциклопедия «Море значений, установленных святыми» — этот текст Н. А. Невский называет «Море начертаний». Н. А. Невский разбирает три первые строки «Гимна священным предкам тангутов», которые, по его мнению, определяют местонахождение тангутского государства. Приводим эти строки с переводом Н. А. Невского:

(13) 'у ниа лду ве цхон жие мбиу
ни нин виа лхиуо ма пхон мбиын
ми ниа ндзио 'ин лхиэ тха вией

Черноголовых каменный город на берегу вод пустыни,
Краснолицых отцовские курганы в верховьях Белой реки,
Длинных 'ми ниа' (тангутов) страна там находится.

Полагая, что первые две строки оды построены совершенно параллельно, Н. А. Невский выделяет в первой строке трехсложное сочетание (14) *цхон жие мбиу*, перевод по иероглифам: 'пустыня', 'вода', послелог 'бок' ('сторона'); а во второй строке — трехсложное сочетание (15) *ма пхон мбиын*, перевод по иероглифам: 'река', 'белая', послелог 'верх'. Н. А. Невский не называет соответствующие слова «послелогам», однако из его анализа ясно, что он воспринимал эти слова как послелогии. Во второй строке оды слово 'верх', по мнению Н. А. Невского, значит 'верховья' и перевод трехсложного сочетания (15) *ма пхон мбиын* во второй строке должен быть 'верховья Белой реки'. Таким образом, Н. А. Невский выделяет сочетание (16) *ма пхон* 'Белая река'.

Реку Белую Н. А. Невский отождествляет с рекой Байшуй в горах Миньшань. К такому выводу он пришел потому, что: 1) река Байшуй со времен ханьской династии считалась очагом, вокруг которого жили цяны — предки тангутов, которые позже, основав свое собственное государство, «перенесли на него название своей исконной родины, где находились могильные курганы их праотцов и, таким образом, их новое государство стало называться «Государством верховьев Белой [реки]»; 2) в «Гимне священным предкам тангутов» указываются границы тангутско-

го государства, и южной границей его как раз и являются горы Миньшань.

Н. А. Невский ссылается на мнение известного китайского ученого Ло Фу-чэна, также толкующего сочетание (9) *пхон мбиын* как 白上 бай шан. Согласно Ло Фу-чэну, это название связано с тем, что тангуты жили к западу от изгиба Желтой реки, то есть в ее верховьях, где воды еще не желтые, или с тем, что тангуты жили в верхнем течении Белой реки, поэтому и называли государство верховьями Белой.

В 60-е гг. Е. И. Кычанов снова поднял вопрос о толковании названия тангутского государства. Поддержав Н. А. Невского в критике Ван Цзин-жу, он тем не менее не согласился с Н. А. Невским. По мнению Е. И. Кычанова, одна из основных посылок Н. А. Невского неточна, так как тангутское государство никогда не распространяло своих южных границ до Сычуани. А тот факт, что предки тангутов действительно жили в Сычуани, совсем не означает, что через столетия тангуты свяжут название своего государства с названием реки в Сычуани, поэтому Е. И. Кычанов считает сомнительной трактовку сочетания (9) *пхон мбиын* 'белый, высокий' как 'верховья Белой реки'. Своей собственной трактовки названия государства Е. И. Кычанов не дал, но, основываясь на переводе современников тангутского государства, предложил временно переводить это название как «Белое высокое государство великого Лета» (название II) [1968: 55]. В последующие годы Е. И. Кычанов переводит это название как «Белое Высокое Великое Ся» [1978: 201] или «Белое Высокое Великое Государство Ся» [1993: 53]. Что же касается названия I, то оно передается Е. И. Кычановым как «Белое Высокое Великое Государство» [1984: 384] или «Великое Белое и Высокое Царство» [1987: 134].

Ошибочность подобной трактовки хорошо видна на примере названия I (1) *пхон мбиын лхиэ тха*: если исходить из предложенного Е. И. Кычановым перевода, в котором все три прилагательных выступают как однородные члены предложения — определения к существительному «государство», то эти три прилагательных должны были бы занимать одну и ту же позицию по отношению к нему и скорее всего они стояли бы в постпозиции к этому существительному. Такие примеры, где три прилагательных подряд стоят после одного существительного, вполне реальны [Кепинг 1985: 348, пример 951]. Однако из трех прилагательных только одно — «великий» — стоит в постпозиции к существительному «государство», остальные два стоят перед этим существительным. Тот факт, что прилагательные занимают

неодинаковую позицию по отношению к существительному, указывает на различие в их функции по отношению к нему и, следовательно, перевод «Белое Высокое Великое Государство» неверен.

В работах последних лет Е. И. Кычанов [1993: 49—53; 1994: 94] передает сочетание (9) *пхон мбиын* 'белый высокий' как 'белые высоты'. К сожалению, и этот перевод грамматически неверен: 1) слово (5) *мбиын* не является существительным, это прилагательное 'высокий', 2) если бы (5) *мбиын* и было существительным, тогда определение к нему, выраженное прилагательным (12) *пхон* 'белый', должно было бы стоять после существительного, а не перед ним, как это имеет место в сочетании (9) *пхон мбиын* 'белый высокий'.

Что касается современных китайских ученых, то большинство из них придерживается точки зрения, согласно которой сочетание (9) *пхон мбиын* 'белый высокий' толкуется как 'верховья Белой реки' [Большой словарь по истории Китая 1986: 121].

Крупнейший специалист-тангутовед Нисида Тацуо [1964: 161; 1986: 69] также придерживается теории «верховьев Белой реки».

В недавно опубликованной «кембриджской» истории тангутского государства [Даннел 1994: 188] упоминается тангутское название государства (только упоминается без всякого комментария) *Pai-shang kuo* (白上國), таким образом, и здесь мы видим все то же ошибочное представление о тангутском государстве как о государстве верховьев Белой реки.

На уровне перевода этого названия (не толкования) можно выделить два рода неточностей:

1) на уровне лексики тангутского языка, когда прилагательное (5) *мбиын* 'высокий' передавалось на китайский язык не прилагательным 高 *гао* 'высокий' (ср. кит. название государства 白高大夏國 *Бай гао да Ся го*), а словом с пространственным значением 上 *шан*; здесь, по-видимому, проявилось желание «подогнать» перевод под толкование названия государства как географического названия «верховья реки Белой»;

2) на уровне грамматики (синтаксиса) тангутского языка, когда:

а) прилагательные, занимающие различную позицию по отношению к существительному, переводились на русский язык как однородные члены предложения — определения к этому существительному;

б) прилагательное, стоящее перед словом, которое определялось как существительное, вопреки правилам грамматики тангутского языка считалось определением к этому существительному.

Ошибки в передаче такого ключевого для тангутоведения понятия, как собственно тангутское официальное название государства, неизбежно приведут к неадекватному воссозданию истории и культуры этого исчезнувшего почти восемьсот лет назад государства, а будучи использованы другими специалистами, могут повлечь за собой ошибочные построения и умозаключения и в других отраслях тангутоведения.

По моему мнению, лексически и грамматически правильным переводом официального тангутского названия государства (названия I) (1) *пхон мбиын лхиэ тха* является 'Великое государство Белого и Высокого' («The Great Kingdom of the White and Lofty»).

Что касается тангутских материалов, использованных в данном исследовании, то мною были использованы те же материалы, что были в распоряжении у Н. А. Невского, а именно.

1. Ода «Гимн священным предкам тангутов» [Кычанов 1970]. Н. А. Невский обнаружил на обороте страниц ксилографа, содержащего поэтические произведения, целый ряд записанных скорописью од (так Н. А. Невский переводит слово (17) *киа* [1960: 36], среди которых и был «Гимн священным предкам тангутов». Впоследствии (в 60-е гг. ?) этот ксилограф был реставрирован, но текст на его оборотной стороне пострадал. Однако благодаря записям Н. А. Невского, сделанным в 30-е гг., текст частично сохранился. Просмотр содержания од (я искала в них сочетание (15) *ма пхон мбиын*) показал, что это, повидимому, ритуальные песни.

2. Тангутские пословицы [Кычанов 1974].

3. Примеры из энциклопедии «Море значений, установленных святыми», заимствованные у Н. А. Невского [1960, I: 51].

4. Тангутские словари XII в., хранящиеся в рукописном отделе Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения: «Жемчужина в ладони» [Нисида 1964: 186—223; Квантен 1982; Хуан и др. 1989], «Идеографическая смесь» [Терентьев-Катанский, в печати], «Море письмен» [Кепинг и др. 1969].

Следует отметить, что последний из перечисленных словарь «Море письмен» для каждого иероглифа приводит графический анализ, т. е. указывает части других иероглифов, которые использовались при составлении данного иероглифа. В случае если значение иероглифа неясно, то дополнительную информа-

цию о его значении можно получить именно из графического анализа, поскольку здесь указывались иероглифы с близким значением. Ниже ссылка в статье на графический анализ иероглифа подразумевает сведения из словаря «Море письмен». Этот словарь чрезвычайно важен для данного исследования еще и потому, что в нем указаны группы иероглифов, являющихся омонимами.

Итак, Н. А. Невским из второй строки «Гимна священным предкам тангутов» выделяется трехсложное сочетание (15) *ма пхон мбиын*. Разбирая это сочетание, Н. А. Невский находит в нем определяемое (5) *мбиын* 'верховья' и определение (16) *ма пхон* 'Белая река' и переводит это сочетание как 'верховья Белой реки'. Полностью соглашаясь с Н. А. Невским в части выделения этого трехсложного сочетания, не могу согласиться с его грамматическим разбором этого сочетания. Я исхожу из того, что слову (5) *мбиын* в китайском языке, как это было показано выше, соответствует прилагательное — *гао* 'высокий', но не слово *шан*. В исследованных мной тангутских текстах (5) *мбиын* употребляется как обычное прилагательное, а это значит, что в функции определения оно стоит после определяемого. Поэтому самым обычным толкованием трехсложного сочетания, где два последних слова прилагательные, является следующее: первое слово, по-видимому, определяемое (существительное), остальные слова — определения к нему. Если для слова (18) *ма* принять перевод Н. А. Невского 'река', то трехсложное сочетание будет значить 'белая высокая река'. Следует также отметить, что сочетание (15) *ма пхон мбиын* 'белая высокая река', по-видимому, является устойчивым: оно встретилось мне также в тангутских пословицах [Кычанов 1974], в энциклопедии «Море значений ...» и в других тангутских ритуальных песнях.

Но теперь обратимся к слову (18) *ма*, которое Н. А. Невский переводит как 'река'. В исследованных тангутских текстах слово 'река' в названиях рек не выражается словом (18) *ма*, для этого используется другое слово, а именно (19) *жие* 'река', 'вода', например, (20) *хвай жие* 'река Вэй', (21) *кин жие* 'река Цзин', (22) *жие ниа* 'Черная река' (т. е. Эдзина). Как видим, по общему правилу, названия рек—существительные ставятся перед словом (19) *жие* 'река', а названия рек—прилагательные — после слова (19) *жие* 'река'. Слово (18) *ма* не встретилось мне на месте слова (19) *жие* 'река', 'вода' в сочетаниях типа (20) *хвай жие* 'река Вэй'. Однако в текстах употребляется сочетание (23) *ма жие*, построенное совершенно аналогично сочетаниям типа (20) *хвай жие* 'река Вэй', где на первом месте стоит рассматриваемое слово (18)

ма, а на втором — обычное слово (19) *жие* 'река', 'вода'. Сочетание (23) *ма жие* значит 'Хуанхэ'. Такое значение (23) *ма жие* подтверждается сочетанием (24) *цхву ма* из словаря «Жемчужина в ладони», где первый иероглиф значит 'небо' — (24) *цхву ма* 'Млечный путь' (букв.: 'Небесная Хуанхэ'): по представлениям древних китайцев Хуанхэ продолжается на небе в виде Млечного пути.

Если слово (18) *ма* значит 'Хуанхэ', то сочетание (15) *ма пхон мбиын* означает 'белая высокая Хуанхэ'.

Слово (18) *ма* 'Хуанхэ' в тангутском толковом словаре «Море письмен» имеет шестнадцать (!) омонимов [Кепинг и др. 1969, I: 138—139, № 718—734], среди которых есть слово (25) *ма* 'мать'. Таким образом, можно сделать вывод, что Хуанхэ по-тангутски звучала так же, как «река Мать» (букв.: «Мать река»). И, следовательно, сочетание (15) *ма пхон мбиын* 'белая высокая Хуанхэ' воспринималось на слух так же, как (26) *ма пхон мбиын* 'белая высокая мать':

(15)	<i>ма</i> Хуанхэ	<i>пхон</i> белая	<i>мбиын</i> высокая
(26)	<i>ма</i> мать	<i>пхон</i> белая	<i>мбиын</i> высокая

Сочетание (15) *ма пхон мбиын* 'белая высокая Хуанхэ (=мать)', как уже говорилось выше, является устойчивым сочетанием, встречающимся неоднократно и в других оригинальных тангутских текстах. Некоторые случаи употребления этого сочетания вызывают сомнения в правильности отождествления «белой высокой матери» с Хуанхэ. Так, Н. А. Невский [1960, I: 45] приводит пример из энциклопедии «Море значений...», на котором следует остановиться более подробно, поскольку, по моему мнению, точный перевод его явится решающим в определении значения сочетания (15) *ма пхон мбиын*. Текст энциклопедии «Море значений...» разбит на отрезки по четыре иероглифа, каждый отрезок снабжен комментарием. Основной текст (=отрезки по четыре иероглифа) напечатан крупно, комментарий к каждому отрезку напечатан мелко. Пример, который приводит Н. А. Невский, входит в раздел «Названия гор»:

(27) нгэ квэ ва нджио
вией нгэ жие нджио ми мба риу лхиэ жи ни
мэ 'ион ма пхон мбиын нгу

Горный остов (=кряж, хребет) обширен и длинен;
снеговые горы долги и длинны, не прерываются,
разных государств всех достигают;
то, что у основания покоится (вероятно, в
значении «то, что берет здесь начало»),
это — верховья Белой реки.

(Перевод Н. А. Невского)

В понимании основного текста и части комментария я согласна с Н. А. Невским (разница в наших переводах чисто стилистическая), но пять последних иероглифов комментария толкую несколько по-другому:

Горный хребет широк и протяжен;
Снежные горы очень протяженны; не прерываясь
[они] доходят до всех государств.
Место где [наше государство] берет свое начало —
это [гора] «Белая высокая мать».

Поскольку весь отрезок и комментарий к нему посвящены горам, да и раздел, откуда взят последний пример, именуется «Названия гор», по-видимому, можно предположить, что сочетание (15) *ма пхон мбиын* было названием гор в тангутском государстве. Возможно, что снежными горами назывались именно Хэланьшань, а гора «Белая высокая мать» — одна из вершин этих гор.

Косвенным подтверждением того, что сочетание (15) *ма пхон мбиын* не представляет собой названия реки, является его отсутствие в разделе «Моря и реки» в словаре «Идеографическая смесь» [Терентьев-Катанский, в печати], а графический анализ иероглифа (28) *со* 'высокий' подтверждает предположение о том, что сочетание (15) *ма пхон мбиын* означает гору: иероглиф (28) *со* 'высокий' состоит из левой части иероглифа (12) *пхон* 'белый' и полностью иероглифа (5) *мбиын* 'высокий'. Прилагательное (28) *со* 'высокий' обычно употребляется как определение к существительным со значением «гора»:

(29) нге кха вией тией та со
мие нгу чхиа ндзией та пиу

На горе снег лежит — гора высокая,
В человеке достоинство есть — человек уважаемый.

(Пословица № 297)

Следует отметить, что омонимом (28) *со* 'высокий' является слово (30) *со* 'мужчина'.

В этой связи следует вспомнить тангутскую священную гору, о которой писал еще Р. Стейн [1947—1950].

В тибетских исторических текстах (я имею в виду доступный мне китайский перевод тибетских текстов) описание тангутского государства начинается с упоминания находящейся на территории тангутского государства горы, на которой обитает дух. Так, например, в разделе «Царствующий дом муя (т. е. тангутов. — К. К.)» [Та-цан цзун-ба и др. 1986: 75] говорится: «Между 涼州 Лянчжоу (современный Увэй, провинция Ганьсу. — К. К.) и местностью 迦 Цзя (местонахождение Цзя мной не определено. — К. К.) имеется гора 閼 日 Мэньжи, на которой обитает дух этой местности, [которого зовут] 智 呼 Чжиху». Как следует далее из текста, именно у этой горы произошло соединение женщины и мужчины, положившее начало роду тангутских правителей.

По-видимому, можно предположить, что гора «Белая и высокая мать», которая, согласно тангутским источникам, и является тем местом, где берет начало тангутская государственность (см. пример 27), и есть та священная гора тангутов, о которой повествуют тибетские тексты.

Если теперь обратиться ко второй строке из «Гимна священным предкам тангутов», которую Н. А. Невский перевел как «краснолицых отцовские курганы в верховьях реки Белой» и перевести употребленное в этой строке сочетание (15) *ма пхон мбиын* как гора 'Белая высокая мать', то мы получим весьма интересные данные. Однако прежде надо остановиться на значении слова (31) *лхиуо*, которое обычно переводят как 'могила'. В исследованных текстах в значении «могила» употребляется другое слово — (32) *лва*. Что же касается слова (31) *лхиуо*, то графический анализ этого иероглифа (он состоит из частей иероглифов со следующим значением: (28) *со* 'высокий', (33) *ндиу* 'десять' и (34) *рие* 'искусный'), а также контексты его употреблений указывают на то, что слово (31) *лхиуо* значит 'могила императора'. Отсюда можно сделать два вывода: 1) 'краснолицых отцовские курганы' — это могилы тангутских императоров, 2) тангутские императоры считались отцами краснолицых⁴. Но для данного исследования важен только первый вывод.

Исходя из всего сказанного выше, вторую строку из «Гимна священным предкам тангутов» следует перевести как «могилы

⁴ Термин «краснолицые» употребляется в тангутских оригинальных текстах в паре с термином «черноголовые». Значение этих терминов до сих пор не установлено. Мою трактовку этих двух терминов см. [Кепинг, в печати].

императоров — отцов краснолицых находятся у [горы] "Белая высокая мать"».

Таким образом, только теперь становится ясно, насколько символичен сделанный тангутами выбор места для захоронения своих императоров — у подножия гор, откуда ведет свое начало род тангутских императоров.

Вернемся теперь к теме статьи — названию тангутского государства (1) *пхон мбиын лхиэ тха* «Великое государство Белого и Высокого», в котором употреблена только часть из сочетания (15) *ма пхон мбиын* 'Белая высокая мать', а именно (9) *пхон мбиын* 'белый высокий'. По-видимому, сочетание (9) *пхон мбиын* соответствовало тибетскому сочетанию *яб-юм*, передавая ту же идею единства женского и мужского начал, причем (12) *пхон* — это женское начало, а (5) *мбиын* — мужское. Такой вывод я делаю на основании следующего: белый цвет обычно олицетворяет женское родящее начало⁵, что же касается слова (5) *мбиын* 'высокий', то словарь «Море письмен» [Кепинг и др. 1969, I: 287, № 3981] дает для него омоним (35) *мбиын* 'membum virile'. Отсюда следует, что сочетание (9) *пхон мбиын* аллегорически означало «мать-отец», т. е. это универсальная оппозиция женского и мужского начал, характерная для многих культур Востока.

Неожиданное подтверждение своему предположению о значении сочетания (9) *пхон мбиын* 'белый высокий' я получила в надписях на тангутской иконе, находящейся в Санкт-Петербурге в Эрмитаже в одном из залов тангутского искусства⁶. Икона представляет собой изображение Гуань-инь, однако меня заинтересовали только надписи на китайском (*sic!*) рядом с изображениями донаторов в правом нижнем углу иконы. Две женские фигуры в богато расшитых золотом красных одеждах различаются по возрасту — слева стоит женщина старшего возраста, справа — молодая. Внешнее сходство между женщинами позволяет предположить, что это мать и дочь, а их одежда указывает на то, что они принадлежат к императорской фамилии — согласно тангутскому Своду законов никто, даже родственники императора, не мог носить расшитую золотом одежду [Кычанов 1987б: 223]. Слева от женщины старшего возраста надпись в картуше, начинается с сочетания 白氏 *Бай ши* 'госпо-

⁵ О соотносении белого цвета с материнским началом и продолжением рода в китайской культуре (в связи с наложением культа «Белохитонной» Гуаньинь на культ местного женского божества — чадоподательницы Сунцзы няннан) см. [Алексеев 1966]. О соответствующей семантике белого цвета в других культурах см. [Тэрнер 1983: 33, 82].

⁶ Эта икона опубликована М. П. Рудовой [Рудова 1994: 206—207].

жа Бай', слева от молодой женщины в надписи употреблено сочетание 高氏 *Gao shi* 'госпожа Гао', т. е. приведены китайские соответствия словам (12) *пхон* 'белый' и (5) *мбиын* 'высокий', снабженные словом *ши* 'госпожа'. Таким образом, и здесь слова (12) *пхон* 'белый' и (5) *мбиын* 'высокий' составляют пару. Текст в картушах: 白氏桃花 Бай ши тао хуа «Цветы персика [от] госпожи Бай» и 新婦高氏引見香 Синь фу гао ши инь цзянь сян «Ароматы [от] новобрачной госпожи Гао, [которую] привели представить»⁷. По-видимому, это аллегория: под фамилией Бай изображена супруга тангутского императора, а под фамилией Гао — ее дочь, согласно патрилинейной системе отсчета родства носящая фамилию своего отца, тангутского императора (Гао)⁸, т. е. здесь мужское и женское начала персонифицированы и носителями их выступают, соответственно, император и императрица.

И еще один пример того, что (5) *мбиын* 'высокий' указывало на мужское начало, персонифицированное в личности императора.

В тангутской коллекции Британской Библиотеки хранится фрагмент 21 цзюани Mahāparinirvāṇasūtra OR 12380 (3302). Рукопись явно принадлежала императору, поскольку воспроизведена на бумаге желтого цвета. Середина фрагмента специально покрыта охрой (т. е. желтая бумага сделана еще более желтой), здесь бросаются в глаза два иероглифа, увеличенные в размере по сравнению с другими иероглифами в тексте — (5) *мбиын* 'высокий' и (36) *чхиа* 'добродетель'. За этими иероглифами следуют три равных по размеру с другими иероглифами (37) *ниын по ца* 'правитель бодисатва' — (38) *мбиын чхиа ниын по ца*. По-видимому, «неправильная» позиция прилагательного (5) *мбиын* 'высокий' по отношению к существительному 'добродетель' служила указанием на то, что здесь должен был стоять омоним

⁷ Я благодарна профессору И. Идема (Университет г. Лейдена, Нидерланды) за помощь при переводе китайского текста *Синь фу гао ши инь цзянь сян* «Ароматы [от] новобрачной госпожи Гао, [которую] привели представить», где, по его мнению, иероглиф 見 *цзянь* употреблен вместо омонима — иероглифа 孳 *цзянь*; только в этом случае предложение становится грамматически правильным и понятным.

⁸ Следует иметь в виду, что в действительности тангутского императора под фамилией Гао не существовало. Не употреблялись также фамилии (12) *пхон* «Бай» и (5) *мбиын* «Гао»: в списке китайских фамилий в словаре «Идеографическая смесь» отсутствуют (12) *пхон* (=Бай) и (5) *мбиын* (=Гао) и соответствующие китайские фамилии переданы другими иероглифами — (51) *пхе* (=Бай) и (52) *кеы* (=Гао), что, по-видимому, можно объяснить тем, что фамилии (12) *пхон* (=Бай) и (5) *мбиын* (=Гао) были табуированы и не могли использоваться простыми людьми.

прилагательного (5) *мбиын* 'высокий' — существительное (35) *мбиын* 'tembrum virile' в функции определения к существительному «добродетель». Я думаю, что это сочетание из пяти иероглифов обозначало «Правитель бодисатва, [обладающий] добродетелью (5) *мбиын* (= (35) *мбиын* tembrum virile)».

Таким образом, можно сделать вывод, что тангутское государство было названо по имени горы — «Белая высокая мать», у которой произошло соединение женщины и мужчины, положившее начало роду тангутских правителей. Здесь, у этой же горы располагались захоронения тангутских императоров.

Следует также отметить, что ничего необычного в использовании географического названия в качестве наименования государства не было — так, кидане, соседи-современники тангутов, именовали свое государство Ляо (Ляохэ — река на территории киданьского государства).

Остается непонятной причина, по которой в название горы, давшей название тангутскому государству — «Белая высокая мать», вместо иероглифа (25) *ма* 'мать' включался иероглиф (18) *ма* 'Хуанхэ'. Можно дать следующее объяснение этому. По-видимому, тангутские ритуальные песни были рассчитаны на слуховое восприятие и непосвященный воспринимал только поверхностный смысл: «Белая высокая мать» — это было название горы, государство было названо именем горы и всем было понятно, почему. Однако глубинный смысл становился ясным только на уровне текста: в названии горы вместо иероглифа (25) *ма* 'мать' употреблялся его омоним (18) *ма* Хуанхэ, и, таким образом, чтобы подчеркнуть неразрывное единство женского и мужского начал, гора записывалась как река. Естественно, что это становилось ясным только на уровне текста. В этой связи следует отметить, что в одном из поэтических произведений мне встретилось определение тангутского государства как (39) *кхи ндви лхиэ* 'государства десяти тысяч секретов'.

Идея единства женского и мужского начал, по-видимому, лежала в основе всего миропонимания тангутов. Анализ тангутских пословиц [Кычанов 1974], каждая из которых состоит из двух параллельно построенных частей, показал, что по представлениям тангутов окружающий мир на всех уровнях (космос, природа и человек) проявлял единство женского и мужского начал. Так, солнце было связано с женским началом, а луна — с мужским, что хорошо видно из пословицы, в которой, помимо прямого сравнения матери с солнцем, солнце имеет «женский» эпитет «белое» (луна здесь сравнивается с отцом, ее эпитет «красная»):

- (40) ту мбе пхон су ма сую лдвон
кхи лхиэ нин су виа сие све

Материнская красота жарче тысячи белых солнц,
Отцовская мудрость светлее десяти тысяч
красных лун.

(Пословица № 8)

Эпитеты «белое» для солнца и «красная» для луны были постоянными (см. также пословицу № 199).

В тангутских текстах часто противопоставляется (41) *ме* 'небо' — (42) *лдие* 'земле'. По-видимому, (41) *ме* 'небо' представляло мужское начало, а (42) *лдие* 'земля' — женское начало, такой вывод можно сделать на основании пословицы, в которой слово 'небо' имеет «мужской» эпитет (5) *мбиын* 'высокий':

- (43) ме мбиын ми тон во мби
лдие ? ми тон чиа риу

Высокое небо не поможет, если облака низкие,
Широкая земля не поможет, если дорога узкая.

(Пословица № 354)⁹

Как было показано выше, Хуанхэ олицетворяла женское начало, эпитет для нее был «белая». В тексте пословиц Хуанхэ противопоставляется черным горам (44) *шан ниа* (см. пословицу № 9).

В тексте тангутских ритуальных песен несколько раз встречается противопоставление (45) *лие лан нге* 'на западе [Хэ]ланьшань' — (46) *виз ма нио* 'на востоке Хуанхэ'. Следовательно, горы Хэланьшань, считавшиеся воплощением мужского начала, связаны с западом и, таким образом, запад можно рассматривать как мужское начало, тогда как Хуанхэ (женское начало) ассоциируется с востоком и восток представляет собой женское начало. Следует отметить, что употребленное в сочетании (46) *виз ма нио* слово (47) *нио* 'река' имеет омонимы — слова (48) *нио* 'восток' и (49) *нио* 'исток'.

Возможно, что по представлениям тангутов их государство родилось в результате соединения высоких Хэланьшань на западе (мужское начало) с белыми водами Хуанхэ на востоке (женское начало).

⁹ Пословица приведена в моем переводе. Перевод Е. И. Кычанова гласит: «Высокое небо не помощник низкому облаку, широкая земля не помощник узкой дороге» [Кычанов 1974: 122].

В помещенной ниже таблице приведены пары существительных, которые в текстах обычно противопоставлены друг другу, некоторые из них могут иметь в качестве постоянных эпитетов прилагательные (12) 'белый' и (5) 'высокий'.

женское начало («белый»)	мужское начало («высокий»)
солнце	луна
земля	небо
восток	запад
Хуанхэ (река)	Хэланьшань (гора)
императрица	император

Итак, проведенный анализ показал, что тангутское государство было названо именем священной горы «Белая высокая мать», где по преданию соединились женщина и мужчина, от которых пошел род тангутских правителей. Однако в официальное название государства (1) *пхон мбиын лхиэ тха* «Великое государство Белого и Высокого» была включена только часть названия горы — сочетание (9) *пхон мбиын* 'белый высокий', которое в аллегорической форме передавало идею единства женского и мужского начал, причем приоритет в этом единстве принадлежал, по-видимому, женскому началу, поскольку именно прилагательное «белый» (женское начало) занимает в сочетании «белый высокий» первое место (ср. тиб. *яб-юм*).

Библиография

- Алексеев 1966 — Алексеев В. М. Религии и верования старого Китая в народных изображениях. — Китайская народная картина. М., 1966.
- Большой словарь по истории Китая 1986 — *Zhongguo Lishi Da cidian*. Liao, Xia, Jin, Yuan shi. Shanghai, 1986.
- Ван 1932 — Ван Цзин-жу. Сися яньцзю, дии цзи. Бэйпин, 1932.
- Гронвальд и др. 1991 — Gronvald E. and HHS. Recent Findings in Ningxia Province Pertaining to Buddhism in the State of Xixia, 1038—1227. — *Studies in Central and East Asian Religions*. 1991, vol. 4, p. 85—90.
- Даннел 1994 — Dannel R. The Hsi Hsia. — *The Cambridge History of China*. Vol. 6. Alien regimes and border states, 907—1368. Ed. by H. Franke and D. Twitchett. Cambridge, 1994.
- Квантен 1982 — Kwanten L. The Timely Pearl: a 12-th century Tangut-Chinese glossary (vol. 1, the Chinese glosses). Bloomington, 1982.
- Кепинг 1985 — Кепинг К. Б. Тангутский язык. Морфология. М, 1985.

Кепинг, в печати — Кепинг К. Б. «Черноголовые» и «краснолицы» в тангутских текстах. (В печати)

Кепинг и др. 1969 — Кепинг К. Б., Колоколов В. С., Кычанов Е. И., Терентьев-Катанский А. П. Море письмен. Факсимиле тангутских ксилографов. Пер. с тангут., вступ. ст. и прилож. М, 1969, т. 1—2.

Клосон 1964 — Clauson G. The Future of Tangut (Hsi Hsia) Studies. — *Asia Major*, 1964. New Series, vol. 11, part 1, p. 54—77.

Куйп 1993 — Kuijp, L. W. J van der. Jayananda. A Twelfth Century Guoshi from Kashmir Among the Tangut. — *Central Asiatic Journal*, 1993, vol. 37, № 3—4.

Кычанов 1968 — Кычанов Е. И. Очерк истории тангутского государства. М, 1968.

Кычанов 1970 — Кычанов Е. И. Гимн священным предкам тангутов. — Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования, 1968. М, 1970.

Кычанов 1974 — Кычанов Е. И. Вновь собранные драгоценные парные изречения. Факсимиле ксилографа. Изд. текста, вступ. ст. и коммент. М, 1974.

Кычанов 1978 — Kuchanov E. I. Tibetans and Tibetan culture in the Tangut State Hsi Hsia (982—1227). — *Proceedings of the Csoma de Koros Memorial Symposium, Hungary, September 1976. Budapest, 1978, p. 205—211.*

Кычанов 1984 — Kuchanov E. I. From the History of the Tangut Translation of the Buddhist Canon. — *Tibetan and Buddhist Studies commemorating the 200-th Anniversary of the Birth of Alexander Csoma de Koros (Bibliotheca Orientalis Hungarica, vol. 29/1). Budapest, 1984, p. 377—387.*

Кычанов 1987a — Кычанов Е. И. Государство и буддизм в Сися (982—1227). — Буддизм и государство на Дальнем Востоке. Сб. ст. под. ред. Л. П. Делюсина. М, 1987.

Кычанов 1987б — Кычанов Е. И. Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149—1169). Книга 2. Факсимиле, пер. и примеч. (главы 1—7). Изд. текста, пер. с тангут., исслед. и примеч. М, 1987.

Кычанов 1993 — Kuchanov E. I. The State of Great Xia (982—1227 A. D.). — *The State Hermitage Museum. Lost Empire of the Silk Road. Buddhist Art from Khara Khoto (X—XIII century). Ed. by M. Piotrovsky. Milano, 1993, p. 49—58.*

Кычанов 1994 — Кычанов Е. И. Памятники тангутской письменности и тангутская культура. — *Петербургское востоковедение. Вып. 5. СПб, 1994, с. 389—414.*

Ли 1983 — Ли Фань-вэнь. Сися яньцзю луньвэнь цзи. Иньчуань, 1983.

Меньшиков 1984 — Меньшиков Л. Н. Описание китайской части коллекции из Хара-Хото (фонд П. К. Козлова). М, 1984.

Невский 1960 — Невский Н. А. Тангутская филология. Исследования и словарь. М, 1960, т. 1—2.

Нисида 1964 — Нисида Тацуо. Сэйкаго-но кэнкю, 1. Токио, 1964.

Нисида 1986 — Нисида Тацуо. Сэйкаго «Гэцугэцу ракуси»-но кэнкю. — *Кёто дайгаку Бунгакубу кэнкю киё дай нидзюго нукидзури. 1986, № 26*

Пиотровский ред. 1993 — *The State Hermitage Museum. Lost Empire of the Silk Road. Buddhist Art from Khara Khoto (X—XIII century). Ed. by M. Piotrovsky. Milano, 1993.*

Рудова 1993 — Рудова М. Л. Guanyin. 12-th century scroll on silk. — *The State Hermitage Museum. Lost Empire of the Silk Road. Buddhist Art from Khara Khoto (X—XIII century). Ed. by M. Piotrovsky. Milano, 1993, p. 206—207.*

Стейн 1947—1950 — Stein R. A. Mi-nag et Si-hia. Geographie historique et legendes ancestrales. — *Bulletin de l'Ecole Francaise d'Extreme-Orient, 44, p. 223—265.*

Та-цан цзун-ба и др. 1986 — Та-цан цзун-ба, Вань-цзюэ-сань-бу. Пер. Чэнь Цин-ин. Хань цзан ши цзи. Лхаса, 1986.

Тернер 1983 — Тернер В. Символ и ритуал. М, 1983.

Хуан и др. 1989 — Хуан Цзянь-хуа, Не Хун-ин, Ши Цзинь-бо. Фань-хань хэ-ши Чжан чжун чжу. Иньчуань, 1989.

Ши 1988 — Ши Цзинь-бо. Сися фозяо шилюе. Иньчуань, 1988.

Иероглифический указатель

1. 穉 頁 屬 穀 2. 𪗇 屬 3. 穉 頁 穀 𪗇 屬
4. 穉 頁 屬 5. 頁 6. 穀 𪗇 7. 𪗇 8. 穀 9.
穉 頁 10. 屬 穀 11. 穀 𪗇 屬 12. 穉 13. 𪗇 𪗇
𪗇 𪗇 𪗇 𪗇 𪗇 𪗇 𪗇 𪗇 𪗇 穉 頁 𪗇 𪗇
𪗇 𪗇 屬 𪗇 𪗇 14. 𪗇 𪗇 𪗇 15. 𪗇 穉 頁 16.
𪗇 穉 17. 𪗇 18. 𪗇 19. 𪗇 20. 𪗇 𪗇 21. 𪗇 𪗇
22. 𪗇 𪗇 23. 𪗇 𪗇 24. 𪗇 𪗇 25. 𪗇 26. 𪗇 穉
頁 27. 𪗇 𪗇 𪗇 𪗇 𪗇 𪗇 𪗇 𪗇 𪗇 𪗇 𪗇 𪗇
𪗇 𪗇 𪗇 𪗇 𪗇 穉 頁 𪗇 28. 𪗇 29. 𪗇 𪗇 𪗇
𪗇 𪗇 𪗇 𪗇 𪗇 𪗇 𪗇 𪗇 𪗇 30. 𪗇 31. 𪗇 32.
𪗇 33. 𪗇 34. 𪗇 35. 𪗇 36. 𪗇 37. 𪗇 𪗇 𪗇 38.
頁 𪗇 𪗇 𪗇 𪗇 39. 𪗇 𪗇 屬 40. 𪗇 穉 𪗇 𪗇
𪗇 𪗇 𪗇 𪗇 𪗇 𪗇 𪗇 𪗇 𪗇 41. 𪗇 42. 𪗇 43.
𪗇 頁 𪗇 𪗇 𪗇 𪗇 𪗇 𪗇 𪗇 𪗇 𪗇 44. 𪗇
𪗇 45. 𪗇 𪗇 𪗇 46. 𪗇 𪗇 𪗇 47. 𪗇 48. 𪗇 49.
𪗇 50. 𪗇 屬 51. 𪗇 52. 𪗇

K. B. KEPPING. «THE GREAT KINGDOM OF THE WHITE AND LOFTY» — THE OFFICIAL NAME OF THE TANGUT STATE

The Tangut empire (982—1227) is widely known by its Chinese name Da Xia «The Great Xia» or Xi Xia «Western Xia». But in the indigenous Tangut texts one can find an original name for Tangut state — phon mbin lhie tha, in author's translation «The Great Kingdom of the White and Lofty». For more than fifty years the collocation phon mbin «white lofty» was a matter of controversy among scholars. Usually this collocation was understood as Pai shan «upper reaches of the White River». This interpretation is so widespread in China that Pai shang kuo in the meaning «Tangut state» has even become an entry in standard reference books. In the article the author has shown that the Tangut state was named after a sacred Tangut mountain «The White and Lofty Mother». The collocation «white lofty» means «the union of the female and male principles». Thus the name of the Tangut country means «The Great kingdom of the union of the female and male principles».